

Клио Кертику

Собор темных тайн

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К36

Иллюстрация на обложке
Станиславы Иванкевич (Night Crow)

Иллюстрации в блоке *Клио Кертику*

Кертику, Клио.

К36 Собор темных тайн / Клио Кертику. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Академия тайн).

ISBN 978-5-04-225779-7

Студент архитектурного факультета Кензи Картер работает в библиотеке над докладом о Руанском соборе. В одной из старых книг он находит загадочную записку на латыни: «Вселенная тройственна. Три и три, истина всегда во главе».

Послание привлекает внимание его одноклассника Лиам Фейна. Одержимый идеей разгадать тайну записки и найти то, что было спрятано в Руанском соборе несколько веков назад, Лиам организует поездку в Нормандию. К нему присоединяются эксцентричный Фергюс Барлоу, романтическая Эдит Белл, таинственная Ализ Уинтер и одинокий Кензи.

Однако каждый шаг к секретам древнего собора приближает компанию к страшной трагедии — одного из них ждет смерть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225779-7

© Кертику К., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

12 сентября 1965 года
Посвящается Ализ Уинтер

Пролог

Дым сигареты вился незатейливой змейкой и убежал в объятия ночи, которая вступала в свои права за потемневшей рамой окна. За ним открывался вид на довольно ухоженный сквер, расположенный в неплохом районе Ислингтон на северо-востоке центральной части Лондона.

Жалование в архитектурном бюро позволяло снимать квартиру в таком районе. Не то чтобы платили много, просто я никогда не жил на широкую ногу да и питался в целом скудно.

Я обожал атмосферу Лондона, особенно его обветшалые двухэтажные дома, которые были пропитаны сыростью дождей и старых книг. Возможно, я испытывал к ним искреннюю любовь, потому что родился в этом городе. В конечном счете, наверное, поэтому я и вернулся сюда после окончания института. Меня всегда немало удивляло, когда многие знакомые отзывались об Англии отрицательно. Таковых было достаточно даже среди коренных англичан. Полагаю, людей всегда что-то не устраивает, где бы они ни жили. Им не угодишь погодой, ценами, настроением, воздухом. Я и сам был не против пожаловаться на что бы то ни было, но родину любил.

В то время, как я предавался раздумьям, на противоположной от сквера стороне дороги показалась парочка. На дворе стоял сентябрь, то самое время, когда осень с ее промозглыми дождями еще не вступила в свои права, но

большинство людей уже носили пальто. Вот и эти двое романтиков были одеты по сезону.

Девушка, явно чувствительная и мечтательная леди, ухватила своего кавалера за руку и поспешила под свет фонарей на аллее сквера. Но юноша был, пожалуй, слишком черствым для такой страстной особы, потому что ничего в ее движениях и манере не заставляло его зажечься так же ярко, как горела она. Я невольно вспомнил Лиаму, который являлся ярким примером такого типажа мужчин. Педанты...

Он был из тех, кто даже в совершенно нетрезвом состоянии не сдвигался с мертвой точки. Кому любая рассказанная история не казалось столь уж удивительной, чтобы снизойти до ухмылки. Мне довелось видеть его улыбку только пару раз.

Первый — когда Фергюс принес ему рукопись, которую хранили его предки столетиями в своей домашней библиотеке, в Шотландии. У нее отсутствовал корешок и краешки страниц имели совершенно неприглядный вид, но Лиам расплылся в улыбке, как будто ему, пятилетнему, подарили щенка, о котором он так долго мечтал.

Второй случай, свидетелем которого мне удалось стать по великой случайности, был поцелуй Эдит — после этого она упорхнула, как синичка, а я заметил легкую улыбку на лице Лиамы. Это был, пожалуй, единственный раз, когда я видел проявление романтических чувств между этими двумя. Они были одной из тех пар, которые не касаются друг друга лишней раз в присутствии посторонних.

Парочка исчезла в темных переулках сквера. А за ней и мой тлеющий бычок быстро отжил свой короткий срок, и я щелчком отправил его в ночную тьму.

Устроившись за стареньким дубовым столом, который находился там же, у окна, я зажег настольную лампу и взглянул на пустые страницы, покоившиеся на столе.

СОБОР ТЕМНЫХ ТАЙН

Догадывались ли эти листы, чем их собираются наполнить? Полагаю, если бы у них был выбор, они бы не хотели знать этого.

Я взял ручку в правую руку и завис над пустым пространством. Прошло ровно шесть лет с того происшествия и пять после моего окончания университета. Сколько раз я желал начать писать, но меня всегда пугала отчужденность нового, чистого листа. Кто же знал, что первая история, которую я соберусь рассказать, будет моей собственной? И уж точно мало кто мог догадаться, что эта история об одном убийстве окажется в конечном счете списанной с реальной жизни.

Преследовавшие меня все эти годы лица всплыли вновь перед глазами.

И на первом, пожелтевшем от вечного томления листе я вывел:

12 сентября 1965 года. Посвящается Ализ Уинтер

ГЛАВА 1

Обложка книги была настолько посеревшей, что ее оттенки, некогда наверняка шоколадный, теперь напоминал цвет какао, разбавленного молоком. Корешок был на месте и, видимо, отреставрирован, потому что без него не представлялось возможным держать вместе такое внушительное количество страниц. Передо мной на столе покоился древний томик французской истории архитектуры, который составлял лишь одну двенадцатую часть от полного собрания.

Дневной свет попадал в помещение только из круглых окон, которые располагались под наклоном у самого потолка. Я сидел в овальном зале Национальной Французской библиотеки, в ее основном хранилище на левом берегу Сены. Привело меня сюда отнюдь не увлечение древними текстами. И назвать себя человеком, любящим читать, я не мог.

Я учился на втором курсе факультета архитектуры, и наш педагог, затеям которого мы поражались снова и снова, в очередной раз раздал нам темы докладов. Задание заключалось в том, что мы делились на группки по четыре человека и вместе изучали памятники архитектуры. Темой моего доклада стал готический собор в Руане.

Так уж вышло, что я оказался по случайности пятым членом в подгруппе Руанского собора. А значит, лишним. Таким я, по крайней мере, себя видел. Всего в группе нас

было семнадцать — число студентов, делившееся на четыре с остатком. Так повелось, что все каким-то образом объединились в свои компании по интересам. А я был, как всегда, лишь наблюдателем.

Не то чтобы я не хотел ни с кем дружить или был интровертом. Наверное, я просто был слишком обычным для нашей студенческой группы и поэтому, по иронии судьбы, не вписался никуда.

Являясь студентом Сорбонны, ты был обязан иметь какие-то отличительные характеристики, а я их как будто бы не имел. Я не был таким уж «иностранцем», поэтому ребята, которые являлись уроженцами Штатов, сразу отпадали. Как не был и французом, поэтому не вписывался в местные компании. Оставалась та часть группы, членов которой я совсем сторонился, пожалуй, даже больше, чем остальных.

С первого занятия в университете я стал подмечать их. Забавно, что почти все они были родом из Лондона, так же как и я.

В первые мои учебные дни я все боялся влиться в их общество, хотя в душе мне этого и хотелось. Но как это обычно бывает, если слишком долго тянуть с чем-то, потом этого не случится никогда. Спустя какое-то время я, может, и хотел предпринять попытки сблизиться с ними, но мне уже казалось странным пытаться лезть в их сформировавшийся круг.

Так я и остался всего лишь наблюдателем их дружбы, хотя как будто она таковой и не являлась. Трое из них, может, и общались между собой, но это выглядело как-то холодно и не по-настоящему. Поначалу я думал, что дело наверняка в Лиаме.

Лиам Фейн, который в этой компании казался мне главным, относился к тому типу людей, которые не имеют много друзей и довольствуются одиночеством. Уже позже,

имея удовольствие оказаться в их кружке, я осознал, что его центром была Эдит. Эта девушка была вездесущей. Фергюс Баррлоу как-то сравнил ее с самой природой, и я бы не дал более точного описания. Более «настоящих» людей, чем она, я не встречал.

В век, когда каждый молодой человек стремился выставить себя лучше, чем он есть на самом деле, старался продемонстрировать свои богатства новым друзьям при первой возможности, подстроиться под других, лишь бы завести новые знакомства, она была такой естественной. Начиная с ее внешности и заканчивая поведением — все в ней было стихийно. В нее невозможно было не влюбиться, но не так, как это происходит обычно, когда ты видишь человека и понимаешь, что тебя что-то в нем привлекает. После первой встречи с Эдит Белл с каждым последующим днем все сильнее хотелось всячески находить новые поводы для общения. Со временем я понял, что мимолетные встречи с ней для меня как приемы кофе, известного своим свойством вызывать зависимость.

Третьим в их компанию немыслимым для меня образом входил Фергюс. И если Эдит была стихией манящей, то он был похож на смерч. В нем веселье сочеталось с диким скептицизмом и бешеной энергией. Он никогда не сидел на месте, хотя всегда казался уставшим. Он всюду торопился, прихрамывая и умудряясь преодолевать огромные расстояния, на ходу поправляя свои очки. Куда он так спешил, было для меня загадкой, но, когда я спрашивал его о причине, он мог ответить, что на улице было нынче холодно.

В общем и целом общество этих троих для меня тогда было совершенно непостижимо и более чем недостижимо. Как я мог вписаться в эту и так довольно странную компанию?

Впрочем, меня никто не спрашивал о том, хочу ли я. Но так или иначе я стал их коллегой в работе над докладом.

Еще была Ализ. Она, так же как и я, вошла в «группу Руанского собора» при подготовке докладов и, насколько я знаю, не общалась с той троицей ранее, разве что с Эдит. Эдит общалась со всеми в той или иной степени, поэтому мне кажется, что они с Ализ были немного знакомы до нашей совместной работы.

Я заприметил Ализ еще на первом году обучения — мне понравились ее глаза и их умиротворенное выражение. Я часто замечал ее на лавочке возле главного корпуса, где она любила проводить время в ожидании следующей пары, если погода позволяла, читала или пила кофе — и нередко задерживал на ней свой взгляд. С ее темными глазами, красной помадой, черной шляпкой и клетчатым пальто она казалась мне живым воплощением Лондона. Возможно, именно поэтому я вернулся в этот город после окончания университета...

Ализ напоминала мне о закатах над Темзой, о туманных вечерах в кампусах Кембриджа, об утреннем кофе, за которым я забегал в знакомую пекарню, и немного даже о тишине романтических вечеров. Я со своей внимательностью к деталям и постоянными попытками проанализировать чужие действия всегда подмечал в ней противоречия. Она обожала гортензии, о чем не раз говорила, хотя сама походила на красную дикую розу. Она будто бы ненавидела часы и их тиканье, но всегда приходила ровно ко времени. Она ненавидела котов и с презрительно поджатыми губами обходила их стороной, хотя я уверенно сравнил бы ее с черной кошкой. Я легко мог представить Ализ в паре с Лиамом, но она всегда выражала по отношению к нему лишь холодное уважение.

Как я уже говорил, она готовила вместе с нами доклад про Руанский собор, но если я так и не смог вписаться в компанию этих ребят, то Ализ отлично смотрелась среди них.

В тот день, когда я решил отправиться в Национальную библиотеку, чтобы найти материалы, у нас еще не было ни одного контакта. Я не представлял себе, как и о чем смогу с ними общаться. Но к следующей паре нужно было найти общую информацию, из которой мы потом, как скульпторы, смогли бы построить фундамент доклада. Каждый мог сделать эту часть работы индивидуально, поэтому я не спешил налаживать связи. Будь выбор за мной, я бы вообще к ним не приближался. Во мне одновременно жили и глубокий интерес к их компании и неподдельный страх, что я покажусь им слишком неинтересным.

Отправляясь в библиотеку, я захватил с собой листы бумаги, чтобы делать записи о соборе. Смотритель всегда находился недалеко от меня и временами поглядывал, как я усердно занимаюсь своим делом. Доступ к таким старым книгам имели далеко не все, но мне, благодаря моему студенческому билету и, я полагаю, статусу студента Сорбонны, все-таки выдали этот ценный том для быстрого ознакомления.

Пошел третий час моего пребывания в библиотеке, а я все еще сидел, склонившись над книгой. Спина к тому времени сильно затекла, и локоть, который был свешен со стола, беспокоил не меньше. Студенчество в архитектурном учило некой методичности, поэтому я сразу отправился в Национальную библиотеку. И хотя для первого этапа наверняка можно было просто найти общедоступную информацию из учебников, я решил действовать на опережение. Да и что уж таить, меня вдохновляло то, с кем именно я должен был делать этот доклад. Я не хотел ударить в грязь лицом при нашей первой совместной работе.

Я писал и писал, не ведая счета времени и никак не подзревая о том, что ждало меня на очередной странице.

Книга была на французском. Ровные, идеальные строки тянулись ряд за рядом, норовя переплестись прямо у меня на глазах. Знал ли я тогда, сидя над манускриптом, что именно эта книга приведет меня к тому, чем все закончилось?

Перелистывая очередную страницу, я ощутил, с каким трудом она укладывается поверх других, как будто что-то мешало до конца распахнуть разворот. Я оглянулся на зрителя, который уже даже и не следил за мной, видимо наконец смирившись с тем, что книжным вором я не был. Медленно указательным пальцем правой руки ощупал то место, где сшивались все страницы, и тогда-то нашел маленький листок.

Еще раз оглянувшись, я аккуратно потянул книгу за страницы, чтобы посильнее раскрыть ее. Разворот раскрылся посильнее, и я увидел, как что-то торчит в месте сшивки. Попытался поддеть пальцем, но листок был вставлен довольно глубоко и плотно, как будто спрятан намеренно. Меня накрыла волна неподдельного интереса — то самое чувство из детства, когда находишь оставленный кем-то клад. Книга была раскрыта на разделе о деталях интерьера, свойственных поздней французской готике. Схватив такой знакомый и родной карандаш, у которого уже кончался грифель, я поддел его заостренным концом уголок сложенного пополам листка.

Задумка увенчалась успехом, и я, недолго думая, схватился за бумажку пальцами, помогая ей выпорхнуть из плена. Из-за бешено колотящегося сердца и трясущихся рук я уронил карандаш, и тот с невероятным, как мне тогда показалось, грохотом приземлился на пол.

Быстро спрятав свою находку под остальные листки с конспектом, я как ни в чем не бывало склонился над